

А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская
Институт языкоznания РАН (Москва)

К методике сравнения этимологических работ (ответ на рецензию М. А. Живлова)

В статье предлагается формальный подход к оценке качества этимологических работ, в основе которого лежит алгоритм последовательного и полного анализа всех уровней сравнения. В качестве иллюстрации прямо противоположного подхода авторы приводят разбор недавней рецензии на монографию [Норманская, Дыбо 2010], написанной, по мнению авторов, в жанре «критики частностей без учета целого».

Ключевые слова: пражазыковая реконструкция, уральская семья языков.

В рецензии М. А. Живлова [Живлов 2010] на [Норманская, Дыбо 2010], оперативно опубликованной в предыдущем выпуске настоящего журнала, идет речь о книге, в которой приведен огромный объем нового материала: предложены новые этимологии для **235** слов современных уральских языков, проанализирована и уточнена реконструкция **294** пражазыковых лексем, рефлексами которых являются около **двух тысяч слов** в современных уральских языках. Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики, изложенными в [Дыбо 1989], [Старостин 2005]. Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «постепенной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт, а потеря информации в конечной реконструкции в большинстве случаев является результатом незавершенности промежуточных реконструкций и что именно прогресс в завершении промежуточных реконструкций или даже ясное осознание степени их завершенности приводит к резкому повышению информативности и точности конечной реконструкции.

К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова. В ней приводятся краткие замечания менее, чем к 30 отдельным словам. Интересно, что ни для одного из этих слов не анализируется полная его этимология, приведенная в «Тезаурусе». Практически всегда разбирается лишь одна форма, вырванная из этимологии, а часто лишь одна фраза, касающаяся этого слова, иногда данная в скобках, как примечание, иногда даже фраза, процитированная из [UEW], которая как раз критикуется ниже по тексту «Тезауруса» (примеры см. ниже). Рецензия, таким образом, построена на основе анализа фраз, вырванных из контекста.

Итак, с точки зрения методики написания рецензий статья М. А. Живлова представляет собой особый жанр «критика частностей без учета целого». Именно поэтому автор рецензии не описал ни объема материала, проанализированного в «Тезаурусе», ни

как были решены задачи, поставленные авторами рецензируемой монографии: точная семантическая реконструкция названий природного окружения на основе алгоритма семантической реконструкции, уточнение локализации прародин носителей тюркского и уральского прайзыков и всех дочерних уральских прайзыков, анализ семантических переходов в названиях природного окружения и выявление закономерностей их появления. Рассматривались только отдельные этимологии, что также сделано по методу «критики частностей без учета целого». Для большинства слов, упомянутых в рецензии, в «Тезаурусе» приводятся абсолютно новые уральские или финно-угорские этимологии, в которых сравниваются три, четыре и более рефлексов из разных языковых групп. В рецензии ни разу не приводится целиком критикуемая этимология и отсутствуют оценки сопоставлений в ее рамках, речь всегда идет только об одной форме. Из анализа отдельных слов, вырванных из контекста, делается весьма глобальный вывод, касающийся не только рассматриваемой книги, но и всех работ Ю. В. Норманской, которая является автором 6 монографий и более 80 статей:

Все указанные недочеты в подаче, обработке и анализе языкового материала (увы, типичные для публикаций другого соавтора [Ю. В. Норманской]) не позволяют отнести «Тезаурус» к серьезным работам в области сравнительно-исторического языкознания¹.

Конечно, нельзя отрицать важность точности каждого сопоставления в отдельности. Но оказывается, что критика в рецензии отдельных слов сама содержит ряд ошибок и неточностей, большинство критических замечаний не могут быть приняты. Ниже ответы на замечания М. А. Живлова разделены на следующие группы.

- 1) Сами замечания содержат фактические ошибки.
- 2) В рецензии М. А. Живлова критикуется ряд идей из предшествующей литературы, которые просто разбирались в «Тезаурусе», также с указанием на их недостатки; но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами «Тезауруса».
- 3) Фраза «Тезауруса» была вырвана из контекста и поэтому неправильно проинтерпретирована.
- 4) Высказывание авторов «Тезауруса» было неправильно понято автором рецензии.
- 5) Автор рецензии обратил внимание на действительную неточность, которая, впрочем, не влияет на общую правильность выводов или этимологического сближения.

1. Сами замечания содержат фактические ошибки

1. Автор «Тезауруса» предлагает такую этимологию (стр. 181–182), и даже называет её достаточно надёжной (стр. 239). Более того, для автора эта этимология оказывается определяющей при локализации финно-угорской прародины (стр. 248). Речь идёт о сравнении финского kojama ~ kojamo ‘большая мужская особь лосося’, северносаамского goadjin ‘id.’ и северномансиеского kōm ‘lazac, сёмга / Lachs’ [Munkacsy & Kalman 1986: 218]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении финского и саамского слов (скорее всего, финское слово заимствовано из саамского, см. [Aikio 2009: 253]), обратимся к северномансиескому kōm. В словаре [Munkacsy & Kalman 1986], известном неточностью фонетической записи, за обозначением ð может скрываться как северномансиеская фонема /ð/ (впоследствии перешедшая в /b/), так и /ū/. Северномансиеское /ð/ восходит к прамансиескому *ā, а северномансиеское /ū/ — к прамансиескому *ū. В обоих случаях прамансиеское *k перед задними гласными должно было перей-

---

¹ Здесь и далее цитаты из рецензии [Живлов 2010] оформлены врезками.

ти в северномансиjsкое *χ*. Следовательно, северномансиjsкое слово, начинающееся на *kū-* или *kō-*, скорее всего, является относительно недавним заимствованием. По всей видимости, рассматриваемое слово можно отождествить с современным северномансиjsким *kūm* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20], [Афанасьева, Игушев 2008: 24], заимствованным из коми ком ‘хариус’.

Критика этимологии, предложенной в «Тезаурусе»: ФУ **koj(a)ma* ‘благородный лосось, семга’: фин. *kojata* ‘большая мужская особь лосося, большая рыба’; саам. N *goadjin*, I *kuájjim* ‘большая мужская особь лосося’ [SSA I: 386; Aikio 2009: 252]; манс. N *kōt* ‘семга’ [МК: 218], — которая строится на анализе фонетических соответствий финско-саамских форм с обско-угорской, несостоятельна.

Рассмотрим, является ли наличие *k* перед задним гласным в северномансиjsком диалекте N в записях Б. Мункачи признаком недавнего заимствования? Оказывается, нет. Вот примеры слов, которые по [Honti 1982; UEW] имеют обско-угорское происхождение, но в записях Б. Мункачи *ko-*² в северномансиjsком диалекте: манс. N *koji* ‘folgen’ [МК: 217; Honti 1982: 745; UEW: 155]; N *koj, koji* ‘Sprössling, Kind’ [МК: 217; Honti 1982: 743; UEW: 133] и многие другие. Может быть, в этих случаях всегда для прамансиjsкого языка Л. Хонти [Honti 1982] и вслед за ним М. А. Живлов [Живлов 2006] предлагают реконструировать гласный переднего ряда для прамансиjsкого языка? Это не так. Прамансиjsкая реконструкция, например, слова манс. N *koji* ‘folgen’ неизвестна, поскольку соответствия гласных в рефлексах этой лексемы абсолютно нерегулярны. В других случаях часто, действительно, восстанавливается ПМанс. **ii* [Honti 1982] / **ii* [Живлов 2006]. Возникает вопрос, всегда ли ПМанс. **ii* [Honti 1982] / **ii* [Живлов 2006] переходит в северномансиjsкое *o*? Оказывается, нет, наиболее частотными рефлексами ПМанс. **ii* [Honti 1982] / **ii* [Живлов 2006] являются северномансиjsкие *a* или *u*: ПМанс. **siiŋk* (**siiŋk* (~ -*a*))³ ‘Hügel’ > So *saiŋkō*, ПМанс. **tiiķas* (**tiiķas* (~ -*a*)) ‘Herbst’ > So *takos*, ПМанс. **lūk-* (**lūk-*) ‘plötzlich eintreten; springen’ > So *lakō*, ПМанс. **kūrəy-* (**kūrəy-*) ‘brummen’ > So *kury-*, ПМанс. **pūkiī* ‘Wanst, Magen’ > So *puki*. Количество таких примеров легко увеличить. Ни Л. Хонти, ни М. А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. **ii* [Honti 1982] / **ii* [Живлов 2006] переходит в северномансиjsкое *o*.

При этом анализ этимологий [UEW] показывает, что часто ПУ/ФУ гласный заднего ряда переходит в передний гласный как в прамансиjsком (в реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006]), так и в отдельных мансиjsких диалектах. Вот несколько примеров:

ПУ **juwV* ‘Kiefer, Föhre; Pinus silvestris’ > Пман. **jiw* > TJ *jiw*, KU So *jiw*, P *jiūw* [UEW: 107; Honti 1982: 175];

ФУ **junča* ~ **juča* ‘Einschnitt; (bezeichneter) Weg, Pfad’ > манс. KU *jōš* ‘Kerbe, Rinne, Furche’ [UEW: 104];

ФУ **mucV* ‘Ende’ > манс. TJ *miš* [UEW: 283];

ФУ **nojta* ‘Zauberer, Schamane; zaubern’ > манс. TJ *näjt*, KU *nōjy*, P *näjtkum*, *näjt* ‘Vorhersagung, Weissagung’, P *näjt-*, KU *näjtakəl-*, *nōjtaχəl-* ‘zaubern’, [UEW: 307];

ПУ **nOIV* (**nūla*) ‘etwas Schlüpfriges; Baumsaft, Schleim, Splint; schlüpfrig sein, sich ablösen, ablösen, schinden’ (> фин. *nula* ‘Schleim des Fisches’) > манс. KU So *nīl-*, P *nīl-*, *nīl-* ‘schälen, ausnehmen (Fische)’ [UEW: 329];

² Для прамансиjsкого языка долгота явно не имела фонологического характера, поскольку очень часто встречаются 1) колебания по долготе в рамках одного диалекта, 2) долгота в разных диалектах друг другу не соответствует. В рамках настоящей статьи нет возможности детально разбирать этот вопрос, который не является принципиальным для настоящей дискуссии. Но в дальнейших публикациях мы планируем дать подробное доказательство отсутствия фонологически значимой долготы в прамансиjsком языке.

³ Здесь и далее без скобок приводится Пман. форма по [Honti 1982], а в скобках по [Живлов 2006].

ФУ *ońća-rV ‘Hauer, Hauzahn’ > манс. ТЈ ęńćər, КУ Р äńśər ‘Hauzahn’ [UEW: 340];
ПУ *ńoŋba- (ńowba-) ‘(Spuren) verfolgen’ > манс. Р ńiwl- [UEW: 323].

Поэтому, если оставаться в рамках прамансиjsкой реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006] (с поправкой на явную несущественность долготы в одной диалектной форме), можно предположить, что для прамансиjsкого названия ‘лосось’ следует реконструировать Пманс. *küt, которая могла быть рефлексом ФУ *koj(a)ta ‘благородный лосось, семга’. Но, как было показано выше, сама прамансиjsкая реконструкция в настоящее время фактически не имеет объяснительной силы, и нуждается в серьезной доработке, которая должна позволить объяснить как рефлексы в современных мансиjsких диалектах, так и правила появления прамансиjsких гласных из прафинно-угорского языка.

Приведенный здесь разбор показывает, что существует ряд исконных северномансиjsких слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансиjsкой реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов, ни при развитии системы вокализма из прамансиjsкого, ни тем более из прафинно-угорского языка. Таким образом, нет фонетических оснований, на которых следовало бы отвергать происхождение манс. N kōt ‘семга’ из ФУ *koj(a)ta ‘благородный лосось, семга’.

Альтернативное этимологическое предложение М. А. Живлова о заимствовании манс. N kōt ‘семга’ из коми *kot* ‘хариус’ и тождестве этой мансиjsкой формы, засвидетельствованной в конце XIX в., с современным северомансиjsким *küt* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20] не кажется достаточно обоснованным. Значения предположительного источника заимствования и предположительного результата заимствования, все-таки, очень сильно расходятся. Рыбы хариус и семга совершенно не соотносимы: средняя масса хариуса 700 г, длина 40 см, максимальный вес около полутора килограммов, а максимальный вес семги — 43 кг. Поэтому по [Лыткин, Гуляев 1970: 131] удмуртское соответствие коми *kot* ‘хариус’ — название также небольшой рыбы, *kutu* ‘язь’ (обычно его вес 1 кг, длина 30–50 см). Этимология же, предлагаемая в «Тезаурусе», семантически безупречна.

2. На стр. 171 читаем: «В [Лыткин, Гуляев 1970: 47; DEWOS: 1625] предполагается, что коми слово заимствовано в обско-угорские языки: хант. V, Vj, Trj, J, DN wärəs, KOP wärəš, Ni, Kaz, Sy wərəš, O warəs, Ahl vorš, varāš, PB várəš ‘ястреб’, но представляется, что, учитывая широкую представленность этого слова в хантыjsких диалектах, нельзя исключить, что в хантыjsком языке представлен рефлекс прауральского слова, а не коми заимствования». Дело, конечно же, не в распространённости слова, а в нерегулярных соответствиях между хантыjsкими диалектами/языками (V Vj Trj J DN s — KoP Ni Kaz Sy š, V Vj Trj J DN KoP ä — Ni Kaz Sy o — O a), исключающих возможность того, что слово восходит к прахантыjsкому.

Высказывание рецензента неверно, поскольку по корпусу праобскоугорских этимологий [Honti 1982], который лег в основу кандидатской диссертации М. А. Живлова [Живлов 2006], есть ряд примеров аналогичных соотношений в исконной хантыjsкой лексике:

1) по консонантизму:

хант. Trj soč-, O sos- — DN, Ni šuš-, Kaz šqš- ‘schreiten’, [Honti 1982: 560],
хант. DN jēs- — Ni, Kaz jišəp ‘Streifen’, [Honti 1982: 170],

2) по вокализму:

хант. V, Vj äjət — DN, KO ojət — Ni, Kaz ejət ‘рог’, [Honti 1982: 52],
хант. Vj kăwəl, Trj kăpəl ‘Zwischenraum’ — DN, KO xopəl ‘Höhlung’, [Honti 1982: 304].

Количество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить.

Поэтому мы все же считаем, что название ‘ястреба’ в хантыском языке может и не быть заимствованием, поскольку оно широко представлено в хантыских диалектах.

3. Коми *völd* ‘пороша’ (более правильная транскрипция — *veld*) возводится к ФУ *wVlte- (стр. 66), коми *kolip* — к ФП *kolV- (стр. 73), а коми *baá* ‘ягнёнок’ к ПП *pVIV (стр. 116), хотя коми *í* не может восходить к *l.

Как известно, на материале этимологий [UEW] очень часто коми *í* восходит к *l (в реконструкции [UEW]), ср.

ФУ *cOlkV- ~ *cElkV- > коми *žuljal-, žułłal-* ‘schwach glänzen, schimmern’ [UEW: 46];

ФУ *läńćV ~ *läćV > коми в. *líć* ‘leicht (e.g. um Herz)’, с. *líćid*, п. *líćit* ‘schlaff, lose’, *lićöt* ‘schwach’ [UEW: 240];

ФУ *leńV > коми с. *leń*, п. *veń* ‘ruhig, still (Wetter); windstill’, уд. *lonjíd* ‘schlaff, schwach’, с. *luń-* ‘herabsinken, erschlaffen (männl. Glied)’?⁴ [UEW: 246];

ФУ *molV (*mulV) > коми с. *mol* ‘Perle’, луз. *nur-mol*, п. *turi-mol* ‘Moosbeere’ [UEW: 279];

ФУ *nílV > коми иж. *ńi* ‘abschüssig’, печ. *ńilk*, с. *ńilkes*, в. *ńivkes* ‘Abschüssigkeit, Abhang’, с. п. *ńildi-* ‘ausgleiten, ausglitschen’ [UEW: 327].

Количество таких примеров так велико, что едва ли не превышает набор с твердой рефлексацией ФУ *l в коми. Вообще следует отметить, что не только в коми, но и в удмуртском, хантыском, мансийском языках спорадически появляется мягкость у рефлексов «твёрдых» в реконструкции [UEW] сонорных согласных. Наоборот, праязыковые «мягкие» сонорные по [UEW] спорадически дают твёрдые рефлексы в этих языках. Представляется, что вопрос о реконструкции твёрдых и мягких сонорных согласных в настоящее время не может считаться исследованным. Нельзя исключить, что твёрдые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо, поэтому предложенные нами этимологические гипотезы с этой точки зрения столь же корректны, как и другие этимологии [UEW].

4. Саам. I joarådoh ‘долго длившаяся сухая, ясная и жаркая погода’ возводится к гипотетическому ПУ *jawa- со следующим пояснением: «Инлаутное *w выпадает в саамском» (стр. 78) — на самом деле интервокальное *w в саамском всегда сохраняется.

На материале этимологий [UEW] видно, что ПУ *w далеко не «всегда» сохраняется в саамском, вот несколько примеров из [UEW], когда в ряде саамских диалектов *w выпадает:

ФУ *luwe > саам. N *lulle -l-* ‘South-, southern’, *luk’sâ* ‘towards the south’, *lulas* id., I *lullē* ‘östlich, Ost-’, *luksa* ‘gegen Südosten, nach Osten’ [UEW: 255],

ПУ *śiwe > саам. N *čoddâ -d'dâg-* ‘throat’, T Kld *čont*, Not *čodd* ‘Speiseröhre, Schlund’ [UEW: 492].

5. Относительно сравнения фин. *pisara* ‘капля’ (в «Тезаурусе» это слово ошибочно переведено как ‘капли, капельки’) с морд. Е, М *riže-* ‘идти (о дожде)’ автор говорит: «[к]ак отмечают и сами авторы [UEW], инлаутные согласные в прибалтийско-финских и мордовских формах друг другу не соответствуют» (стр. 83). Это вдвое неверно: во-первых, авторы [UEW] ничего подобного не отмечают [UEW: 732], во-вторых, фин. -s- и морд. -z- регулярно соответствуют друг другу и восходят к ПУ *s.

В [UEW] для этого слова восстанавливается *pisa (*piša). Из неоднозначной реконструкции инлаутного согласного следует, что авторы [UEW] не могли однозначно восста-

⁴ В этом слове видно, что мягкость появляется лишь в некоторых диалектах.

новить инлаутный консонантизм. Они указывают, что если все-таки принимать праформу **pisa*, то палatalизация согласного в морд. возникла под влиянием *i*. Таким образом, авторы [UEW] не считали, что формы являются надежными рефлексами **piša*, и даже предполагали редкое ассимиляторное развитие в мордовском. Почему они так считали? Вероятно, потому, что примеров аналогичного соотношения инлаутных рефлексов в фин. и морд. на материале [UEW] крайне мало, около 5 (3 из них в заимствованиях). На материале уточненного корпуса этимологии [Sammallahti 1988] для прауральского уровня **ś* в интервокальной позиции реконструируется только для одного слова ПУ **kāši-* ‘present’ [Sammallahti 1988: 538]. На финно-угорском уровне в том слове, которое по [Sammallahti 1988] имеет ФУ **ś* в интервокале, в мордовском представлено *ć*: ФУ **išä* ‘father’ > морд. *oče* [Sammallahti 1988: 541]. Рефлексы других слов с ФУ **ś* в интервокальной позиции в мордовских языках не зафиксированы. Таким образом, можно сказать, что на материале уточненного корпуса этимологии [Sammallahti 1988] нет даже двух надежных примеров рефлексации ПУ/ФУ **ś* > морд. *ż*.

Но поскольку такое соответствие все-таки встречается еще в двух исконных словах по [UEW], мы и не отказались от рассматриваемого сравнения, а даже дополнили его мансийским рефлексом, но дали мелким шрифтом, как не вполне надежное фонетически: ФУ **pisa* (**piša*) ‘ капли, дождь’ [UEW: 732]: фин. *pisara* ‘ капли, капельки’, *pisaa-* ‘ капать’; эст. *pisar* (Gen *pisara*) ‘ капля’; морд. Е, М *piže-* ‘ идти (о дожде)’, Е *pižeme*, М *pižem* ‘ дождь’; манс. N *pāsyi-* / *pāsýi-* / *pasyi-*, LM *pəssi*, K *pāsi*, T *pashánt* ‘ течь, капать’ [Munkácsi 1986: 417].

2. В рецензии критикуются идеи из предшествующей литературы, которые просто разбирались в Тезаурусе, также с указанием на их недостатки.
Но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами Тезауруса

1. На стр. 151 к гипотетическому ПУ **kora-* ‘самка глухаря, куропатка’ предлагается вводить ПСаам. **kōppēlē* и морд. M:Sel корəna ‘глухарка’. На самом деле ПСаам. **-pr-* и морд. *-r-* могут восходить только к **pr-*.

ПУ **kora-* — это реконструкция [UEW], она предложена не нами. В тексте комментария, который дается к этой этимологии в «Тезаурусе», ясно сказано «На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ **koppa-la/l'a*».

2. Нерегулярное соответствие инлаутных согласных при сравнении угорского **luwV* ‘лошадь’ с фин. диал. *lupo* ‘кобыла, лошадь’ оправдывается следующим образом: «на материале этимологии [UEW] есть один пример, когда ФВ **p* соответствует ПУг **w*, — это ФУ **čawV* (**čarpa*) ‘кислый, становиться кислым’» (стр. 122). Не говоря уже о том, что эта этимология крайне сомнительна, нужно отметить, что фин. *hapan* (род. п. *haapamen*), морд. Е *čaramo*, М *šarama*, мар. К *šarə*, вопреки [UEW], могут восходить только к праформе с инлаутным **pr-*.

Таким образом, соответствие ФВ **p* — ПУг **w* оказывается уникальным и сравнение угорского названия лошади с финским следует отвергнуть.

Реконструкция **pr* в **čawV* (**čarpa*) не была предложена в [UEW], поскольку она не проходит из-за угорских рефлексов: хант. Vj *čey-*, О *suw-* ‘становиться кислым, портиться (о тесте)’, Kaz *šyw* ‘тесто, опара’; манс. KU *šööt* ‘испорченный (о муке)’, LU *šew-*, LO *säw-*

‘становиться кислым’; венг. *savanyú* ‘кислый’, *savó* ‘сыворотка’, ? *sóska* ‘щавель кислый’, др.-венг. *sósul* ‘становиться кислым’.

В UEW нет ни одного примера аналогичного развития **pp* > ПУг. **w*.

А этимология **luwV* и в «Тезаурусе» дается как крайне ненадежная, потому что на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие, но, учитывая идеальное семантическое соответствие, мы сочли, что ее стоит упомянуть. Предложена она была не в «Тезаурусе», а в [Дыбо 2007], о чем эксплицитно сказано.

3. Фраза авторов Тезауруса была вырвана из контекста и потому неправильно проинтерпретирована

- На стр. 177 в связи с тундровым ненецким словом *силер* “подросший птенец серой чайки; белый с чёрными крапинками (о масти оленя)” утверждается, что «[п]о словарю [Salminen 1998], ег” в ненецком слове является суффиксом». На самом же деле Салминен не выделяет в этом слове никаких суффиксов [Salminen 1998: 348] и приводит в указателе корней отдельный корень SYILYER [Salminen 1998: 425].

Как видно из текста цитаты, мы утверждали, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс *-er*”. На стр. 347—350 словаря можно найти многочисленные примеры слов, образованных с помощью этого суффикса. Приведем несколько примеров:

танс-ер” ‘поземка, выюга с низовым ветром’ [Терещенко 1965: 626], *TAHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тайнз-ер” ‘темная тень, синева’ [Терещенко 1965: 626], *TØHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тонд-ер” ‘насыпь’ [Терещенко 1965: 669], *TON~Ŷ TA* → *yeR* [Salminen 1998: 350].

В слове *силер*” Т. Салминен, действительно, не выделяет суффикс, вероятно, в связи с тем, что основа без суффикса не засвидетельствована. Однако, тот факт, что суффикс *-er*” зафиксирован, позволяет постулировать его и в этом слове. Тем более, что в предложенной в «Тезаурусе» этимологии ПУ **čiilV* ‘чайка’: венг. *csüllő* ‘моевка, трехпалая чайка’ [EWUng: 238]; ненец. Т *siler*” ‘подросший птенец серой чайки; белый с черными крапинками (о масти оленя)’ [Терещенко 1965: 559]; энец. *sil'are* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-бело-)голубоватый’ [Helimski 2007] и в энецком рефлексе (ненецко-энецкое сравнение предложено Е. А. Хелимским в [Helimski 2007]) присутствует суффикс *-are*,ср. аналогичное образование: энец. *sex-are* ‘дорога’ ~ *sex-ai* ‘старая дорога’. Таким образом, в этой этимологии, возможно, следует говорить об общем северно-самодийском суффиксальном образовании. Следует отметить, что по словарю [SW] суффиксальные образования на **-r-* для прасамодийского языка были одними из наиболее продуктивных, ср. ПС **jåđ-* ‘земля, место’ > **jåđrā-* ‘песок, песочный берег’, [SW: 36—37], ПС **kåłđ-* ‘крыло’ > **kåłđr-*, [SW: 62]. Таким образом, представляется, что предложенная нами этимология ПУ **čiilV* ‘чайка’ вполне корректна с точки зрения словаобразования.

- На стр. 68 утверждается, что «как известно, пермское *-ž-* может восходить только к инлаутному ФП **-š-*». Как указывает П. Саммаллаhti, «the normal reflex of single intervocalic **č* is **t* in Finnic and voiced **ž* in Permic» [Sammallahti 1988: 523].

Действительно, высказывание «Тезауруса», приведенное здесь, не вполне корректно, поскольку на материале этимологий [UEW] пермское *ž-* может восходить как к инлаут-

ному ФП *š (ср., например, *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], *ašV (*ošV) ‘жеребец’ [UEW: 607]), так и к ФП *č. Но полный текст комментария к этимологии сохраняет свою силу, ср. на стр. 68: «Сравнение саамских и пермских форм позволяет однозначно реконструировать инлаутный согласный ФП *-š-, а не *-č-, как постулируется в [UEW]», поскольку на материале этимологий во всех случаях саам. N -ss- и перм. -ž- у рефлексов одного и того слова встречаются лишь для лексем с ПУ инлаутным *š (ФП *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], ФП *(j)iša ‘кожа’ [UEW: 636]).

4. Идеи авторов Тезауруса были неправильно поняты М. А. Живловым

1. Этимология слова ‘казарка’ сопровождается в «Тезаурусе» тремя картами, показывающими распространение трёх видов казарок. Ни один из трёх ареалов, показанных на картах, не пересекается ни с территорией Эстонии, ни с областью распространения восточнохантыйского языка, а обсуждаемые в книге слова со значением ‘казарка’ встречаются только в эстонском и восточнохантыйском. Непонятно, как это соотносится со сделанным на стр. 116 заявлением, что «[д]ля млекопитающих, птиц и рыб карты распространения ... приводятся только в тех случаях, когда они релевантны для анализа семантических переходов или локализации прародины».

Карты распространения казарки приводятся как раз в соответствии с правилом, указанным на стр. 116, поскольку они могут оказаться релевантными для локализации прародины. Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлексы слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлексы этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов. Как видно из карт, приведенных в «Тезаурусе», ареал обитания казарок фактически охватывает только крайний Север, поэтому это является косвенным доказательством того, что прародина финно-угров захватывала крайние северные территории. К сожалению, мы не можем утверждать об этом с большой степенью надежности, поскольку в палеобиологии территории обитания птиц в III тыс. до н. э. еще недостаточно изучены.

2. Так, морд. E:Večk řeš't'or переводится как ‘кошель из липовой коры’ (стр. 10) вместо правильного ‘кошель / Korb’ [MW:1628], что служит для автора основанием сравнивать это слово с мар. M piste ‘липа’ (причиной ошибки послужило, по-видимому, приведённое у Паасонена словосочетание īeŋgeē řeš't'or ‘Ranzen aus Lindenrinde’, где īeŋgeē значит ‘Lindenrinde’, а řeš't'or — ‘Ranzen’). Мнение Паасонена о том, что слово заимствовано из диалектного русского пестер, пещер, пещур, в «Тезаурусе» не упомянуто.

Следует отметить, что морд. E:Večk řeš't'or ‘кошель’ не может быть русским заимствованием, см. об этом [Аникин 1997: 466], который указывает, что, наоборот, русское слово является финно-угорской субстратной лексемой. А. Е. Аникин доказывает это следующим образом: в русских диалектах представлены формы с инлаутным колебанием консонантной группы -st- / -xt- : н.-индиг. *пестер* ‘плетеная корзина’, ср.-обск., арх. *nexhterъ* ‘плетеная корзина’⁵. Это колебание не поддается объяснению на русской почве, но, по мнению А. Е. Аникина, оно сопоставимо с ПФ -ht- ~ саам. -st- ~ морд. -št-, которое представляет собой инлаутные рефлексы ФВ *št. Поэтому А. Е. Аникин видит в этом русском слове субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков. Таким образом,

---

⁵ Полный список форм см. в [Аникин 1997: 466].

оказывается, что привлечение данные русских диалектов косвенно подтверждает предложенную нами реконструкцию с консонантным кластером *št: Волж *pešte- ‘липа, лещина’, по сравнению с праформой [UEW: 726] *päkšnā.

А. Е. Аникин также указывает на то, что финно-угорское субстратное слово связано с мар. *L. пёштыр*, Г. *пешёр* ‘пестерь’. Интересно отметить, что в мар. есть и форма *пестер* ‘пестерь, берестяное лукошко’ [Васильев, Саваткова, Учаев 1991: 246], видимо, в свою очередь, заимствованная из русских диалектов.

Возникает вопрос, как связано марийское слово мар. *L. пёштыр*, Г. *пешёр* ‘пестерь’ с реконструированным нами волжским *pešte- ‘липа, лещина’ [UEW: 726]: морд. Е pеšte / pеštše, E:Mar, E:E:HI, E:E:Jeg pеšče, E:Atr, E:Večk, E:E:NBajt pеšte, E:VVR, E:Kal pеšče, E:Kažl, E:Ba pеštä, M pеštë, M:P pеštä, M:Prol päščä, M:Ur päščä, M:MdM:Jurtk pеštä ‘лещина, орех’ [Paasonen 1990–1999: 1626], E:Večk pеštor ‘кошель’ [ук. соч.: 1628]; мар. CK, CÜ piste, Ch pište, B pište, M pišta, MK pište, UJ pište, US, USj pišty, UP pišty, pišty, P pište, V pišta, JT pište, JO pišta, K pišta ‘липа’ [Bereczki: 49]. Очевидно, что оно не может быть рефлексом этого волжского слова, поскольку в марийском названии липы гласный первого слога *i*, а в названии пестеря мар. *L. ѕ*, Г. *e*.

Каково же происхождение марийского слова? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать соотношение гласных первого слова в мар. *L. пёштыр*, Г. *пешёр* ‘пестерь’. На основании анализа корпуса прамарийских слов, собранных в [Bereczki], можно сделать вывод, что соответствие гласных, представленное в этом слове не встречается в исконной лексике. Стандартным соответствием мар. *L. ѕ* является Г. *ї* или *ö*: *L. lõbö* ‘ловушка, капкан, западня’, Г. *lõdu* ‘ловушка, капкан, западня’; *nõštylás* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’, Г. *nõštylaš* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’; *L rõrjéj* ‘мужчина’ (*jej* ‘человек’), Г. *rüéryy* ‘мужчина’; *L. šõn* ‘жилы, сухожилия’, Г. *šõn* ‘жилы, сухожилия’.

Единственный пример, в котором зафиксировано аналогичное соотношение гласных первого слога в марийских диалектах, это заимствование из пермских языков:

Л. *šõrmuč*, Г. *sérmyc* ‘узда’. Таким образом, становится ясно, что мар. *L. пёштыр*, Г. *пешёр* ‘пестерь’ не является рефлексом финно-угорского слова, а было заимствовано, возможно, как раз из морд. E:Večk pеštor ‘кошель’.

Таким образом, подробный анализ заимствований в русских и марийских диалектах не разрушает предложенную нами этимологию, а, наоборот, подтверждает ее, поскольку русские диалектные данные указывают на то, что в источнике досибирского слова *пестерь* было инлаутное сочетание *st, которое как раз и было реконструировано нами для праформы, из которой произошло морд. E:Večk pеštor ‘кошель’. Семантический переход ‘липа, лещина’ > ‘кошель (который изготавливается из липы, *lengej pеštor* ‘Ranzen aus Lindenrinde’) представляется более чем вероятным. Что касается формальных соответствий, аналогичная рефлексация консонантного кластера в морд. и мар. языках представлена в ФП *täštä ‘Zeichen, Merkmal <~ Stern’ [UEW: 793] и некоторых других словах. Что касается развития вокализма, в морд. представлен единственно возможный рефлекс ФВ *e в ударной позиции, см. [Норманская 2008], а в марийском языке развитие ФВ *e > мар. *i* характерно для позиции перед мар. -š,ср. ФВ *uvešnä ‘eine Art Getreide: Spelt, Dinkel, Weizen’, [UEW: 821].

3. (Претензия, собственно, не к «Тезаурусу», а к статье [Норманская 2009], результаты которой использованы в «Тезаурусе»)

По меньшей мере странно, что позицией для внутрипермских фонетических развитий служат не просто фонемы более древнего, чем прапермский, уровня, но фонемы, давшие в прапермском ноль. Создаётся впечатление, что автор просто не считает нужным различать уровни реконструкции.

Методологически обычным является различие двух уровней для прайзыка: «протоуровня», на котором начались какие-то изменения, характеризовавшие этот язык в отличие от других прайзыков его уровня, и «прауровня» — последнего этапа существования языка перед распадом. Как раз такая реконструкция представляется гораздо более близкой к реальной языковой ситуации. Ведь практически любой прайзык, в том числе и прапермский, существовал ни одно десятилетие, и даже ни одно столетие. Реконструкция, в которой прайзык предстает как статическая неизменяющаяся система, просто еще далека от совершенства.

В прапермской реконструкции, предложенной нами, речь также идет о двух уровнях. На протопермском уровне ПУ/ФУ/ФП *t (> ПП *θ), *ŋ (> ПП *θ), *k (> ПП *θ), *p (> ПП *θ) еще не перешли в θ, и как раз на этом уровне формировались две особые системы ПП фонем в палатализующей и в непалатализующей позициях, на следующем, прапермском, уровне эти фонемы уже выпали.

4. (Также по поводу статьи [Норманская 2009])

Вызывает удивление отсутствие в таблице таких бесспорных соответствий между коми и удмуртским, как коми а — удм. а (*a по Лыткину [Лыткин 1964; КЭСК] и Сяммалахти [Sammallahti 1988]), коми а — удм. и (*å по Лыткину и Сяммалахти), коми ё — удм. о (*ó по Лыткину и Сяммалахти), коми ё — удм. è (*ö по Лыткину, *ü по Сяммалахти), коми ё — удм. ï (*õ по Лыткину, *í по Сяммалахти), коми і — удм. i (*i по Лыткину, *í по Сяммалахти). Все эти соответствия безусловно встречаются и в «нейтральной позиции» в терминологии Норманской, например, коми аг ‘осень’ — удм. аг ‘год’, коми padvež ‘скрещение, пересечение’ — удм. padvož ‘перекрёсток’, коми važ ‘старый’ — удм. vuž ‘старый’, коми pëdlavnj ‘закрыть’ — удм. podjnj ‘прищемить, прижать; закрыть’, коми t̄ev ‘зима’ — удм. tol ‘зима’, коми šém ‘чешуя’ — удм. šém ‘скорлупа, чешуя’, коми t̄ev ‘ветер’ — удм. t̄el ‘ветер’, коми bęž ‘хвост’ — удм. b̄iž ‘хвост’, коми v̄er ‘лес’ — удм. v̄ir ‘бугор, холм’, коми n̄im ‘имя’ — удм. n̄im ‘имя’, коми s̄in ‘глаз, глаза’ — удм. s̄in ‘глаз, глаза’. Подчеркнем, что перечисленные выше соответствия между коми и удмуртским в работе [Норманская 2009] не только никак не объяснены, не опровергнуты, но даже не упомянуты. Впечатление от подобного «нового взгляда на историю пермского вокализма» для уралиста можно сравнить с реакцией индоевропеиста при виде работы, где автор полностью игнорирует противопоставление звонких и звонких придыхательных, да еще и обозначает древнеиндийскую аффрикату j и сонант у одинаково — как j. Понятно, что реакцией читателя будет только недоумение и он воспримет это либо как розыгрыш, либо как проявление полной некомпетентности исследователя, либо как работу студента, которому не объяснили, что новая гипотеза должна объяснить или опровергнуть факты, на которых основывались теории предшественников.

Для того, чтобы читателю была понятна несостоительность вышеприведенной претензии, мы должны обратиться к целой серии работ Ю. В. Норманской, написанных об истории развития вокализма от прауральского языка к современным уральским языкам. Количество статей и тезисов, посвященных этой тематике, уже более 30. Здесь мы упомянем лишь основные работы. В первую очередь монографию [Норманская 2008], которая легла в основу диссертации Ю. В. Норманской на соискание ученой степени доктора филологических наук, успешно защищенной в 2009 году в Институте языкоznания РАН, а также статьи [Норманская 2009, 2010], которые были написаны в рамках проекта РГНФ № 08-04-00201а «Реконструкция прайзинно-волжской акцентной системы и типов основ» (рук. Ю. В. Норманская), и статьи [Норманская 2011 а, б], написанные в рамках проекта Президиума РАН «Селькупская акцентология» (рук. Ю. В. Норманская).

В этих публикациях были подробно сформулированы и решены следующие задачи:

1) реконструкция разноместного ударения для финно-волжского прайзыка [Норманская 2008], для прапермского [Норманская 2009, 2010], для прахантийского [Норманская 2011а], для прасамодийского [Норманская 2011б],

2) описание рефлексов прайзыковых гласных в финно-волжских языках [Норманская 2008], в коми и удмуртском языках [Норманская 2009, 2010], в хантыйском языке [Норманская 2011а], в прасамодийском языке [Норманская 2011б] в зависимости от места прайзыкового ударения.

Специально остановимся на решении задач второго типа, поскольку именно к ним на материале пермских языков адресовано недоумение рецензента. Очевидно, что М. А. Живлов неправильно понял задачи статьи [Норманская 2009] и других публикаций, написанных по этой проблематике. Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции праремского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями прайзыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних прайзыках и в современных языках и выявить, зависит ли она от места прайзыкового ударения. Именно этой целью и была обусловлена специфика выборки материала. При работе как с пермским материалом в [Норманская 2009, 2010], так и с финно-волжским [Норманская 2008], прахантыйским [Норманская 2011а], прасамодийским [Норманская 2011б] для анализа были выбраны слова, в которых ПУ/ФУ/ФП гласный не является долгим и реконструируется однозначно (то есть, у них есть рефлексы в прибалтийско-финских языках, в саамском или мордовских, в определенных позициях, где не происходило совпадения нескольких прайзыковых гласных, см. подробнее об этих позициях в [Норманская 2008]). Этот критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008] и упомянут в [Норманская 2009 (сноска 11), 2011а, б].

Этот методический прием позволил работать только с теми этимологиями, в которых четко восстанавливается ПУ/ФУ/ФП гласный. При привлечении полного материала этимологий [UEW] для многих из них установить точную реконструкцию прайзыкового гласного первого слога невозможно, поэтому они не будут релевантны для решения задачи описания рефлексации ПУ/ФУ/ФП гласных в современных языках. Представляется, что для корней, не привлеченных нами к анализу, с большой долей вероятности и в дальнейшем не удастся однозначно реконструировать прайзыковой гласный. Как было показано в [Норманская 2010, 2011а, б], в пермских и самодийских языках в безударной позиции гласные совпадали и переходили в *ə, *i, *i. А в прахантыйском языке все задние гласные и передние совпадали между собой соответственно, и потом их изменение шло под влиянием прахантыйского умлаута. Таким образом, последовательное описание генезиса системы вокализма в современных уральских языках показывает точность гипотезы Э. Итконена, который предполагал, что лишь в прибалтийско-финских языках сохранилась архаичная система вокализма. В связи с этим для анализа генезиса системы вокализма от прафинноугорского состояния в каждом конкретном уральском языке релевантными являются фактически (за редкими исключениями определенных позиций в саамском и мордовских языках) только те лексемы, которые имеют рефлексы в прибалтийско-финских языках.

Примеры, которые якобы опровергают таблицу в [Норманская 2009, 2010], не удовлетворяют критерию отбора материала, который использовался для решения задачи об изучении рефлексов ПУ/ФУ/ФП гласных:

1) коми *ar* ‘осень’ — удм. *ar* ‘год’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

2) коми *padvež* ‘скрещение, пересечение’ — удм. *padvož* ‘перекрёсток’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

3) коми *važ* ‘старый’ — удм. *viz* ‘старый’, пермские формы нестандартно соответствуют рефлексам ФП **wans̥a* в других языках, сам М. А. Живлов высказывал на конфе-

ренциях предположение о том, что в данном случае речь идет о заимствовании в пермские языки,

4) коми *pędlavŋi* ‘закрыть’ — удм. *podŋiŋi* ‘прищемить, прижать; закрыть’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

5) коми *tęv* ‘зима’ — удм. *tol* ‘зима’. Слово не включено в рассмотрение, поскольку ПУ **tälwä* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и пражазыковой гласный надежно не реконструируется,

6) коми *śet* ‘чешуя’ — удм. *śet* ‘скорлупа, чешуя’. Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется **śeme* (**śōme*),

7) коми *tęv* ‘ветер’ — удм. *tęl* ‘ветер’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а в фин. мы имеем *tuuli* (gen. *tuulen*) ‘Wind, Sturm, Brise’,

8) коми *bęž* ‘хвост’ — удм. *bịž* ‘хвост’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

9) коми *vęr* ‘лес’ — удм. *vịr* ‘бугор, холм’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется ПУ **were* (**wōre*),

10) коми *nít* ‘имя’ — удм. *nít*. Слово не включено в рассмотрение, поскольку **nime* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и пражазыковой гласный надежно не реконструируется,

11) коми *śin* ‘глаз, глаза’ — удм. *śin* ‘глаз, глаза’. В этом слове представлено уникальное инлаутное сочетание согласных, которое переходит в палатальный согласный в мар., удм., и морд. языках. Предположительно, палатальный согласный в этом сочетании следует реконструировать и для ПУ языка.

В заключение этого краткого разбора отметим, что обоснование таблицы рефлексов прaperмских гласных, которую критикует М. А. Живлов, не входило в круг задач авторов [Тезауруса]; таблица была дана в сноске в качестве пояснения со ссылкой на работу [Норманская 2010], где подробно разобраны цели, в рамках решения которых была создана эта таблица.

5. М. А. Живлов обратил внимание на некоторую неточность, которая, впрочем, не влияет на правильность выводов или этимологического сближения

- На стр. 161 в рамках одной этимологии даны рефлексы трёх (!) не связанных друг с другом и существенно различающихся фонетически праселькупских слов: **soča* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368], **sęŋkə* ‘Auerhahn (beide Geschlechter) [Alatalo 2004: 373] и **sāŋkoča* ‘Stockente’ [Alatalo 2004: 374].

Действительно, рефлексы ПСельк. **soča* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368] должны быть исключены из рассматриваемой этимологии. Но мы считаем, что ПСельк. **sęŋkə* ‘глухарь’ [Alatalo 2004: 373] и ПСельк. **sāŋkoča* ‘селезень’ [Alatalo 2004: 374] могут быть объединены на праселькупском уровне. Соответствия по вокализму не дают оснований разводить эти формы и реконструировать в них разные праселькупские гласные первого слога. Если мы обратимся к анализу рефлексов этих слов, приведенных в [Alatalo 2004], то увидим, что они различаются только в кетских диалектах селькупского языка, но набор гласных в рефлексах этих слов в кетских формах столь разнообразен, что вряд ли может считаться решающим для разделения на две этимологии: в рефлексах ПСельк. **sęŋkə* ‘глухарь’ по [Alatalo 2004: 373] в кетских диалектах в первом слоге пред-

ставлены гласные KUS, KM *ɛ*, KUM *v*, KeM, KeO *ä*, в рефлексах ПСельк. *sāŋkoća ‘селезень’ — KM *ä*, KMF *e*. Надо сказать, что Я. Алатало не описал правила рефлексации праселькупских гласных в отдельных диалектах. Если, допустим, мы предположим, что по [Alatalo 2004] архаичное различение ПСельк. *ɛ, *ä сохраняется в кетских говорах, то на этой же странице словаря найдем примеры, противоречащие этой гипотезе: ПСельк. *s1āŋjka ‘маленький палец’ [Alatalo 2004: 374] > KeM *sēŋgai*.

В 2011 году мы занимались обработкой селькупских архивов А. П. Дульзона, на основании которых был сделан словарь [Быконя 2005], поэтому можем теперь по неизданным архивным данным уточнить (с точки зрения конкретных населенных пунктов) и дополнить список форм для этого слова, приведенный в [Быконя 2005] и цитируемый в [Тезаурусе]: сельк. таз. *sēŋkј* ‘глухарь’, кет. *səŋgə* ~ *səŋčə* ~ *səŋgə* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 222], об.с. *cagga* ~ *caggə* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 205]; кет. *səŋgode* ~ *səŋgɔzi*, об.с. *səŋkozja* ‘селезень’ [Быконя 2005: 222], об.с. (Иван.) *sakóðz'e* ‘селезень’, об.ч. (Чиж.) *'akóð'e* ‘селезень’, (Варг.) *akóð'e* ‘селезень’ [Архив А. П. Дульзона]. Итак, мы видим, что по материалам архива А. П. Дульзона, рефлексы гласных в названиях селезня и глухаря в южных и центральных селькупских диалектах (кет., об. с.), в которых сохранились рефлексы обоих названий, полностью совпадают.

Многозначность ‘глухарь, утка’ представляется возможной, потому что она реально представлена и в другой этимологии:

ФУ *lunta ‘водоплавающая птица, дикий гусь’ [UEW: 254]⁶: ПСаам *lontē [Lehtiranta: 601]: Not *loitt* ‘птица, глухарь’; мар. K *lâðâ*, U *luðâ*, B *luðo* ‘утка, водоплавающая птица’ [Мар. словарь, 3: 412].

2. Ненец. Т нир ‘весенний затвердевший снег наповерхности льда’ возводится к ПС *nīt̥e, хотя такая форма дала бы ненец. ныр (стр. 73).

В реконструкции ПС формы, действительно, имеет место опечатка, но само предлагаемое сравнение коми вс., скр., сс. *nariž* ‘шуга, тонкий мелкий лед’ [Лыткин, Гуляев 1970: 186] и ненец. Т *nir* ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ [Терещенко 1965: 314] остается корректным, хотя, как и было отмечено в «Тезаурусе», ненадежным, поскольку рефлексы слова сохранились лишь в двух языках.

3. По поводу выведения фин. *kontio* ‘медведь’, удм. *gondjr* ‘медведь’ и коми *gundjr* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’ из гипотетического ПУ *konte автор пишет: «[в] этой этимологии стандартное соответствие фонетических рефлексов во всех языках» (стр. 130). Автору, очевидно, осталось неизвестным, что *-nt̥- регулярно упрощается в пермских языках в d.

Действительно, замечание, касающееся развития *nt̥ в пермских языках, справедливо. Но сравнение, предложенное в «Тезаурусе», все же возможно, если реконструировать так:

ПУ **konV-* ‘медведь’ > фин. *kontata* ‘ползать, тащиться, переваливаться’, *kontio* ‘медведь’ [SSA I: 398]; коми вс., лет. *gundir*, *gundil*, сс., скр., уд. *gundir*, вв., печ. *gundirli*, нв., иж. *gundir* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’, вым. *gundir* ‘рыбка с широкой головой и острым хвостом (суеверные люди считают ее поганой и боятся ее)’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]; удм. G, M, J, MU, U *gondir* ‘медведь’ [Соколов, Туганаев 1994: 10]; кам. *k'ōnđ* ‘медведь’ [Donner 1944: 32].

⁶ Полный список рефлексов этой этимологии см в [UEW], [Тезаурусе].

Глагол в финском языке является образованием с одним из наиболее употребительных отыменных глагольных суффиксов *-ta-* [Хакулинен 1953: 274]. В [SSA I: 398] указывается, что фин. *kontio* ‘медведь’ образовано от глагольной основы *kont-* (*kontia, kontata*). По [Хакулинен 1953: 180] *-io* — сложный отглагольный суффикс имен.

В пермских языках также представлен отыменной суффикс *-dir* (коми *veža* ‘священный, святой, освященный’; *veža-dir* ‘святки’, удм. *vožo-dir* ‘святки’ [Лыткин, Гуляев 1970: 50]).

4. На стр. 85 мы находим реконструированное автором книги ПУ **k(u)d(u)rV* ‘гром’. Символ **d* в уралитике иногда используется вместо более традиционного **ð* (см., напр., [Janhunen 1981], [Sammallahti 1988]). Однако, судя по рефлексам (удм. *d*, кам. *d*), здесь под ПУ **d* имеется в виду что-то другое (ПУ **ð* дало бы удм. *0* или *l*, кам. *r*). Остаётся предположить, что автор открыл какую-то новую прауральскую фонему, неизвестную ни Янхунену, ни Саммалахти и сам того не заметил.

Реконструкция в этом слове ПУ **kVdVrV* ‘гром’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]: мар. *M küdyrtáš* ‘треметь (о громе)’, В *kədértaš* ‘треметь (о громе)’; коми *gudir* ‘муть, осадок, отстой, пасмурный (о погоде)’; удм. *G, J gudiri; M gudiři* ‘гром’; кам. *gwidur ~ gudur* ‘гром’ [Donner 1944: 20], действительно, приведена не совсем корректно, поскольку в нотации авторов [UEW], которой мы старались придерживаться, нет особой фонемы **d*. Но в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером. Но поскольку примеров таких соответствий немного, вопрос так и остается открытым. Настоящая этимология представляет собой пример еще одного подобного соответствия, но поскольку она, возможно, имеет звукоподражательный характер, то не казалась настолько релевантной для дискуссии о реконструкции звонких согласных в прауральском языке, чтобы посвящать этому вопросу в «Тезаурусе» отдельный разбор.

Рецензия содержит еще ряд замечаний технического характера. В нескольких местах М. А. Живлов обратил внимание на то, что знак палатализации поставлен другим способом, чем обычно. Менее чем в десяти случаях, при верстке книги в издательстве исчезли диакритические пометы (учитывая огромный объем специальных помет, использованных в монографии, это число представляется весьма незначительным). М. А. Живлов указывает на то, что в четырех случаях цитаты из работ А. Е. Аникина и Е. А. Хелимского даны без кавычек. Но речь, конечно, не может идти о плагиате, поскольку в этих случаях всегда указывалась книга с точной ссылкой на страницу, откуда была взята цитата. Следует отметить, что А. Е. Аникин, будучи рецензентом книги, не счел такой способ цитирования его работ в чем-то предосудительным, наоборот, в частной переписке до издания «Тезауруса» указал нам еще несколько этимологических предложений в его монографиях, которые следовало учесть. В нескольких случаях, когда в «Тезаурусе» было указано, что у слова в каком-либо языке определенная морфема является суффиксом, были приведены неудачные примеры для демонстрации этого суффикса в других лексемах. Во всех этих случаях, впрочем, суффиксы, постулируемые нами, существуют. М. А. Живлов критикует также способ подачи финских работ в списке литературы, где дан перевод их названий на немецкий язык. Этот способ является международным и общепринятым в библиотеках и каталогах Финляндии, поэтому он показался нам более корректным, чем самостоятельный перевод названий на русский язык.

Таким образом, мы видим, что из 30 замечаний, приведенных М. А. Живловым, около половины — просто неверны, другие касаются технических неточностей, в нескольких случаях гипотезы авторов «Тезауруса» и М. А. Живлова представляются равновероятными, и лишь в пяти случаях его замечания справедливы и меняют этимологию рассматриваемых слов: саам. *I kaaijuv* ‘чайка’, манс. *N atér*, LM, LU, P, K *ātér*, K *ātir* ‘жаркая, ясная погода, небо’, энец. *kodi?* ‘иней’, удм. *ruas* ‘белка-летяга’, ПСельк. **soča* ‘Löffelente, Anas clypeata’. Яркий контраст составляет количество таких замечаний с полным объемом материала, проанализированного в [Тезаурусе] (294 этимологии и, как видно из указателя в конце книги, почти две тысячи лексем из современных уральских языков).

Подводя итоги анализа рецензии М. А. Живлова на «Тезаурус», можно попытаться сформулировать вопросы, возникающие при попытке объективной оценки этимологических работ. Конечно, оценка этимологических словарей в рецензиях обычно базируется на субъективных критериях и во многом зависит от личностных установок авторов. В таком духе, например, была написана (если не считать значительно большей академичности тона у М. А. Живлова) рецензия А. В. Вовина на Этимологический словарь алтайских языков [Vovin 2005], ответ на которую опубликован в [Starostin, Dybo 2008]. Она содержит большое (но все равно несравнимое с общим объемом критикуемого словаря) количество обвинений в неточностях цитирования и ошибочной интерпретации материала; в частности, автор пытается разрушить около 25 этимологий EDAL и на этом основании делает глобальные выводы о полной бесполезности и даже вредности EDAL для обоснования родства алтайских языков. На самом деле из этих обвинений большая часть несправедлива, поскольку основана не на фактах, а на когда-то сложившихся у А. В. Вовина при беглом просмотре соответствующего материала интерпретациях, которые он не удосужился проверить при написании рецензии, а несколько действительно замеченных неточностей, хотя и полезны для последующего редактирования словаря (5 ошибок в цитировании форм, из которых лишь одна ведет к изменению этимологии в одной из алтайских ветвей; около 12 неточных английских переводов значений отдельных форм, не ведущих к изменению этимологий), все же не опровергают основных выводов авторов, сделанных на материале, в порядки раз превышающем количество ошибок (около 2000 реконструированных корней), неизбежных при составлении больших этимологических словарей. В ответе на рецензию А. В. Вовина [Dybo, Starostin 2008] справедливо замечено: «It should also be added that one sign of a truly objective review is when the reviewer in question is able to concentrate not only on what he perceives as negative sides of the work, but positive ones as well».

Аналогичным образом можно оценить некоторые рецензии, появившиеся в свое время по поводу «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча, работы, где впервые реконструкция, базирующаяся на строгом анализе системы соответствий, дошла до временной глубины XII тыс. до н. э. (прежде всего [Серебренников 1982], [Щербак 1984]). По их поводу В. А. Дыбо отметил: «От научно корректной критики требуется, как минимум, четкое различение строго установленных фактов и отношений между ними, с одной стороны, и отношений между гипотезами (т. е., более или менее аргументированными мнениями, догадками, соображениями того или иного исследователя по поводу этих фактов и отношений) — с другой» [Дыбо 1984: 7]). Так, в [Щербак 1984] приводится около 10 замечаний к отдельным вхождениям этимологий и на основании этого делается вывод: «Научная несостоятельность попытки В. М. Иллич-Свитыча создать сравнительную грамматику индоевропейских языков очевидна» (с. 40). В действительности ни одна из претензий не разрушает ни одну из этимологий В. М. Иллич-

Свитыча, поскольку «ошибки», выявленные в них, являются таковыми лишь с точки зрения методологических воззрений автора рецензии, далеких от сравнительно-исторических. В [Серебренников 1982] оспариваются около 20 этимологий, в первую очередь на основании постулирования для них «звукоподражательности», во вторую — оценивая соответствия, открытые В. М. Иллич-Свитычем как маловероятные фонетически, с выводом: «Генетическое родство так называемых ностратических языков убедительно не доказано».

С другой стороны, можно вспомнить рецензии на [UEW] и [Alatalo 2004], начатые незадолго до смерти Е. А. Хелимским, но являющиеся продолжением всей его исследовательской работы по этимологии уральских языков, это [Helimski 2007a, b]. В каждой из этих рецензий отмечено несколько сотен (!) неточностей, ошибок, допущенных авторами словарей, но при этом в начале каждой рецензии указывается чрезвычайная важность [UEW] и [Alatalo 2004] для развития сравнительно-исторической уралистики.

Чья же оценка является более обоснованной: А. В. Вовина, А. М. Щербака, М. А. Живлова, которые нашли немного настоящих ошибок, но сделали заключение о низком качестве и невозможности использования рецензируемых словарей, или Е. А. Хелимского, который нашел огромное количество неточностей и неверных этимологических сближений, но считал словари, с авторами которых он ведет полемику, важными и нужными?

Кажется, что ради прекращения поспешных и во многом необоснованных оценок качества этимологических работ назрела необходимость ввести алгоритм разбора словарей, который позволит, во-первых, оценивать их последовательно в рамках единой концепции и только после предварительного анализа полного материала работы, во-вторых, обязать авторов рецензий эксплицитно приводить все замечания к рецензируемой работе, в-третьих, поможет авторам будущих словарей реально оценивать качество других этимологических работ и приводить свои работы в соответствие с этой оценкой, иметь объективную картину степени аккуратности и точности этимологических предложений в словарях не только языковой семьи, в которой они специализируются, но и других семей.

Можно предложить следующий алгоритм, который, вероятно, будет уточняться в процессе его применения:

I. Если автор конкретного этимологического словаря⁷ работал в рамках уже принятой фонетической реконструкции, то следует сравнить его работу с предыдущими словарями, сделанными в рамках той же концепции, в которых приводятся этимологии того же пражазыкового уровня (в случае уральских, например, это, в первую очередь, [UEW], [SSA], [Лыткин, Гуляев 1970], [DEWOs]) по следующим параметрам:

1) количество опечаток и ошибочных переводов в процентном соотношении с полным списком привлекаемых словоформ;

2) количество нарушений существующей системы соответствий (т. е. предложение уникального соответствия или неуникального, но не подчиняющегося уже известному распределению) в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

3) количество «семантических нарушений», т. е. предположений о недопустимых переходах (за критерий допустимости семантического перехода мы бы предложили для начала взять соответствие положениям Ю. Д. Апресяна, выдвинутым для различения синхронной многозначности и омонимии [Апресян 1995: 184]), в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

---

⁷ Конечно, этот алгоритм без существенных модификаций может быть применен не только к полному этимологическому словарю, но и к этимологической словарной работе любого объема.

4) количество нарушений с точки зрения словообразования в пражзыках и в современных языках (такие случаи, когда для пражзыка или современного языка постулируются уникальные суффиксы, или, наоборот, автор вводит современную форму к особой праоснове, хотя эта форма легко интерпретируется как образованная по стандартным правилам от основы, уже имеющей другую этимологию).

II. Если автор предлагает свою систему соответствий или существенные модификации принятой системы соответствий⁸:

1) во-первых, следует сравнить его систему соответствий с другими системами аналогичной глубины, то есть, например, пражуральскую с системами соответствий в семьях, которые по глоттохронологической датировке распались примерно в то же время: индоевропейской, алтайской и под., по следующим параметрам:

а) по количеству случаев, когда два и более возможных рефлекса одной пражзыковой фонемы даются без указания на распределение этих рефлексов в языке-потомке; при этом в этом пункте следует учитывать только те случаи, когда сам автор словаря указал на неоднозначную рефлексацию;

б) по количеству исключений в словаре из системы соответствий, указанной автором;

2) в дальнейшем следует провести оценку словаря в рамках предложенной автором системы соответствий по правилам пункта I.

Таким образом, для таких работ, как [Тезаурус], [EDAL], [UEW], оценка должна быть сформулирована по семи пунктам [I.1–4, II.1–3] после полного разбора всех этимологий словаря и с перечнем всех неточностей, выявленных рецензентом в рамках каждого из пунктов, для того, чтобы была возможность дальнейшей научной дискуссии и выявления справедливых и некорректных замечаний.

Представляется, что только после описанной работы рецензент может дать обоснованную оценку тому или иному словарю. Дальнейший анализ существующих этимологических работ кажется нам крайне важным, поскольку он позволит, во-первых, выявить полные списки ошибок в словарях, что бесспорно будет способствовать уточнению пражлексионов, а, во-вторых, покажет, какой уровень точности принят в сравнительноисторическом языкоznании той или иной языковой семьи, и какие системы соответствий требуют уточнения в первую очередь. Авторам будущих этимологических работ такой анализ поможет четко осознать необходимый уровень точности, то есть тот, который присутствует в большинстве общепринятых словарей.

Насколько нам известно, мы формулируем здесь такой алгоритм впервые. Представляется, что анализ существующих работ продемонстрирует много нового о качестве существующих реконструкций. Мы планируем в ближайшее время опубликовать результаты применения этого алгоритма к этимологическим словарям ностратических языков [Pokorny], [EDAL], [UEW] и ряду других.

Мы были бы благодарны М. А. Живлову, если бы он нашел время и возможность обработать в рамках этого алгоритма все этимологии «Тезауруса», тогда мы получим объективную оценку этой работы, и можно будет определить ее место в ряду других этимологических словарей. Пока разбор замечаний рецензии [Живлов 2010] к «Тезаурусу» в сравнении с замечаниями Е. А. Хелимского к [UEW] и [Alatalo 2004] показывает, что по всем пунктам предложенного алгоритма процент ошибок в [Тезаурусе] значительно ниже, чем в этих словарях.

---

⁸ Отдельно согласно этому алгоритму должны описываться те словари, авторы которых не приводят систем соответствий, и для них для проведения оценки фактически работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент.